

ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН УМЕЕТ В КОНТЕНТ НАСТОЛЬКО КРУПНО, ЧТО ЕГО МОЖНО НОМИНИРОВАТЬ И В «КНИГИ» (СУММАРНЫЙ ПИРАЖ ЕГО БЕСТСЕЛЛЕРОВ УЖЕ СОСТАВЛЯЕТ ПОЛМИЛЛИОНА!), И В «КИНО» — КАК СОАВТОРА СЦЕНАРИЯ НАРОДНОЙ КИНОКОМЕДИИ «БЕСПРИНЦИПНЫЕ В ДЕРЕВНЕ». НО МЫ ВЫБРАЛИ «ТЕАТР И ШОУ»: ЗА ГОД У АЛЕКСАНДРА СЛУЧИЛИСЬ СРАЗУ ЧЕТЫРЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЕЙ ПО ЕГО ТЕКСТАМ, В ТОМ ЧИСЛЕ «ИНПУИЦИЯ» ПОД ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ ДИРЕКТОРА МХТ ИМЕНИ ЧЕХОВА КОНСТАНТИНА ХАБЕНСКОГО. А ЕЩЕ ЦЫПКИН ЗАПУСТИЛ ОПТИМИСТИЧНОЕ ПРЕВЕЛ-ШОУ «НЕПРОВИНЦИЯ», В КОТОРОМ ОН ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ (И НАС) ГОРОДА РОССИИ.

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

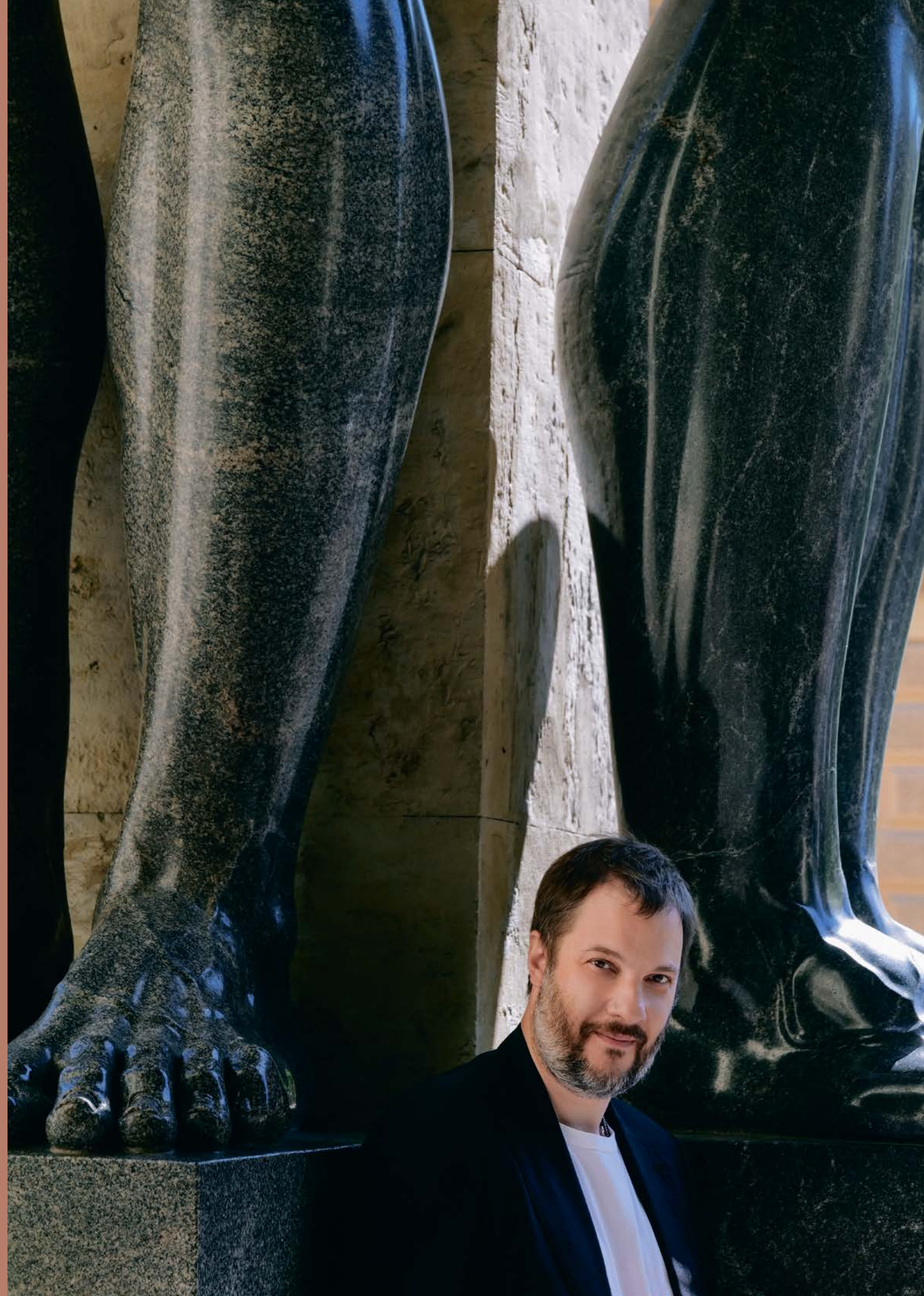

Александр сфотографирован у портика Нового Эрмитажа — у ног знаменитых атлантов, стоящих на постаментах из гранита-рапакиви и поддерживающих архитрав. Ученик Демут-Малиновского, скульптор Терехнев вдохновился фигурами древнегреческого храма Зевса Олимпийского в Акраганте на Сицилии, а 50 каменотесов работали над пятиметровыми гигантами

Текст: КСЕНИЯ ГОЩИЦКАЯ

Фото: ЯНА ДАВЫДОВА

СВЕТ: НИКОЛАЙ БАЛЯСНИКОВ SKYPOINT

Ты стал соавтором сценария кинохита «Беспринципные в деревне», тираж твоих книг перевалил за полмиллиона, ты запустил тревел-шоу «Непровинция» — и вдруг номинация «Театр и шоу». Александр, объяснитесь!

Все просто — за год вышло четыре спектакля по моим пьесам. Три — в Москве, а «Люди современных взглядов» режиссер Александр Сазонов поставил в знаменитом Новосибирском театре «Красный факел». Я всегда понимал, что мои тексты написаны, чтобы стать либо сценарием, либо спектаклем. Скорее спектаклем, потому что я не мыслю действиями или картинками, как нужно для кино, а мыслю диалогами. Театральный опыт со мной не впервые, несколько лет назад актер БДТ Михаил Морозов делал в Петербурге моноспектакль «Она девочка, ей все можно» по моим рассказам. Потом появилась пьеса «Три товарища? О чем молчит балет», которую мы написали вместе с хореографом и артистом Мариинского театра Юрой Смеловым, она с успехом идет в «Приюте комедианта», и это одна из немногих постановок, где балетные танцоры играют драматический текст. В «Гоголь-центре» шел *Burnt in USSR* — история про мое поколение, рожденное в 1970-х годах. А потом Константин Юрьевич Хабенский как-то сказал, что собирается сделать «Интуицию» в Барнауле к 100-летию Театра драмы. Он к «Интуиции» вообще имеет большое отношение, мы с ним постоянно обсуждали монологи героев, я показывал ему каждый новый и слушал комментарии. И вот она вышла под его художественным руководством сначала там, а в марте прошлого года в московском «Современнике». Режиссером был Данил Чашин, но при активном участии К. Ю.

И «Интуиция» не подвела?

Не подвела! Я не понимал, как сборник из тринадцати практически не связанных между собой монологов превратить в двухактовый спектакль, но Константин Юрьевич и Данил придумали классное решение — актеры все время на сцене, некоторые без текста живут час. Получилось фантастическое действие, на которое, я знаю, зрители ходят по несколько раз, как к психотерапевту. Сюжет такой: ангел должен выбрать, кого из людей послать пережить свой последний день. И финал — открытый, на сайте после каждого спектакля в любом городе идет голосование. Кого ты выберешь из этих тринадцати человек, та больна самым деле тебе ближе всего.

Есть ли у тебя статистика по регионам? Например, кому больше сочувствуют жители Самары, а кому — Сочи? Так сказать, психологический портрет страны?

Так и есть: изучаем, кому сочувствует российский человек. Мы с К. Ю. называем это голосование самыми честными выборами в стране. Например в «Интуиции» можно спасти человека, а можно — собаку. И второй вариант победил в Барнауле с огромным отрывом. Меня изумляло, что зрители сочувствовали собаке больше, чем людям. И важно, что даже у самого, казалось бы, бессмысленного персонажа пьесы есть тот, кто ему сочувствует.

В театре Ермоловой у тебя еще вышел «(Не)идеальный Ч» в постановке Талгата Баталова. Я читала эту книгу, но не видела спектакля и не представляю, как можно адаптировать для сцены довольно абсурдистский текст про поиски всей страной члена с родинкой.

Да уж, завязка «горячая». Зато сразу несколько зрителей уходит, хотя дальше все становится жесткой, а иногда и жестокой сатирой на ключевые тренды сегодняшнего общества — от увлечения мистикой до поиска национальной идеи. Правда, финал добрый и философский. С Че я упалась. Олег Евгеньевич Меньшиков принял только третью версию пьесы, в которой меня судят за мою же книжку в 2037 году, причем актеры театра уже сидят в тюрьме за участие в спектакле, по ней поставленном. И для следственного эксперимента — было ли оскорбление зрителей — этот спектакль снова играют прямо в тюрьме. В итоге все это лишь провозакация с целью засудить судью за излишнюю мягкость в приговорах.

Сюжет звучит довольно грустно, если честно. Я заметила, что на твои спектакли с удовольствием ходят мужчины, их почти половина зала.

Все так, и это мое большое достижение. У меня есть две важные задачи с точки зрения аудитории: чтобы соотношение мужчин и женщин было хотя бы 30 к 70 и чтобы разница между самым молодым и пожилым зрителем была лет 40, а лучше 50. Если приходят бабушки, значит, я реально что-то хорошее написал, потому что знают-видели жизнь, их не купишь ни на что. А если приходит молодежь, значит, у меня есть будущее.

Дальновидный подход, уважаю. Помимо спектаклей, ты еще делаешь в июле целый фестиваль «Беспринципные чтения» в московском саду «Эрмитаж». Чтения ведь довольно сложный жанр, особенно в наше время, когда людям сложно фокусироваться больше пяти минут. А у тебя аншлаги. Как так?

Расскажу на примере соцсетей. Сначала я заинтересовывал аудиторию короткими афоризмами, потом сделал тексты чуть длиннее. И понял, что залог успеха — в одном движении пальца: человек же должен провести по экрану, чтобы дальше прочесть. А для этого необходимо, чтобы в последних двух строчках перед пролистыванием был хук, зацепка. Я когда начинал, айфон был сильно меньше. И все тексты я стал писать именно так. Это работает и в зале — в эпоху мультимедийных постановок сложно заставить тысячи человек сидеть в зале два часа, когда на сцене я один с листом бумаги. Ладно еще со звездами, можно прийти посмотреть на Вику Исакову или Анну Михалкову. А бывает, что я один. Помогают только тексты такого типа. Кстати, провал внимания моментально видно по загорающимся экранам телефонов. Я понимаю, ага, здесь надо доделать, сократить что-то. Однажды финал переписал в голове и прочел, глядя на пустой лист. Людям должно быть все время интересно: а что там дальше?

У тебя есть правила хорошего текста?

Хорошего для чтения со сцены, уточню. В нем нет лишних описаний. Зрителю абсолютно положить, какая комната, как выглядит человек, есть ли у него шрамы, толстый, худой, старый, молодой — это все никому не интересно в театральном зале. Людям важен диалог — и чтобы диалог двигал события. Никаких лишних подробностей о цвете стен или прозрачности воздуха. Сразу к делу! Когда я попадаю под огонь литературной критики, а там есть совсем замороженные сограждане, то объясняю: «Ребята, я пишу не рассказы, а сценарии для чтения. Это другой жанр». Иногда они превращаются в киносценарии. Вот тут я уже работаю с командой, мы проверяем, что подойдет для кино, потому что герои, например, не могут сидеть и разговаривать два часа.

Тебя сравнивают с О'Генри.

Один американский режиссер так и сказал, да.

Но О'Генри использует описания.

Просто О'Генри платили построчно. И он не читал рассказы в Москве XXI века.

О, тогда поговорим о зарплатах.

Кино — это очень дорого. А первый сезон «Беспринципных» полностью основан на твоих рассказах. Понимаешь, к чему я клоню?

Не очень. Интересуешься, много ли я заработал? Не жалуюсь.

А сколько сегодня получают сценаристы?

Очень и очень по-разному. Хорошего уровня, известные на рынке могут и до миллиона рублей за серию и до шести за полный метр. С книгами все, конечно, сложнее. Где-то 20–70 рублей с экземпляра получает автор. Вот и считай. Тираж 50 000 в нашей стране — это уже успех. Я при всей своей известности, при всем маркетинге, вот недавно только преодолел планку в 500 000, и это за восемь лет. А сценариев кинорынку нужно сотни в год. Поэтому текст сейчас превращается в картинку. Мы видим это по большому количеству качественных сериалов: гениальные писатели (я не о себе, как ты понимаешь) ушли в сценаристы. Да не только гениальные, а просто с идеями, ну как я. Как только я стал печататься, так меня тут же завалили контрактами на сериалы. Писать роман? А зачем?

А сценарии ты не пробовал потом превратить в литературу?

Конечно, да. Мне кажется, очень хороший получился сериал «Что делать женщине, если у нее два любовника, выбрать надо одного». Я сделал из него повесть. Еще мы недавно придумали новый сериал «Министерство всего хорошего». Он про бюрократический мир ангелов и демонов. Два министерства, одно помогает исполнять хорошие желания, другое — плохие. Раз в определенный период времени проходит аудит, и если победает министерство всего плохого, то проект человечества закрывают. Сейчас вот один из моментов, когда нас могут закрыть. Только что начались съемки — прекрасный состав: Игорь Верник, Николай Фоменко, Лиза Ищенко, Настя Ивлеева главного демона играет. Режиссер Саша Фокин. Я его очень люблю как талантливейшего сценариста «Караморы». Работа с ним обучила меня смотреть на сценарий как на вещь, которую можно бесконечно сокращать. И у меня впервые полноценный длинный сериал! Отмечу своих соавторов Володю Васильева и Мишу Зубко.

Писатель Гришковец высказался, что тебе не хватает остроты, чтобы быть сатириком, и смелости, чтобы быть юмористом. Как ты относишься к критике?

Кто я, чтобы спорить с Гришковцом! Впервые я давно бросил юмор и сатиру. Взять хотя бы «Интуицию». Драма драмой. А насчет критики, есть прекрасная фраза: мы, русские, все принимаем на свой счет. А на свой счет нужно принимать только каш. Каждый раз, когда я вижу итоговую кассу своего зала или гонорар за сериал, я думаю: «Господи, спасибо, я всегда говорил, что я приму кэшем гораздо охотнее, нежели любой другой формой признания!» К критике я отношусь нормально, особенно к сетевой. Понятно, что я причиняю людям боль тем, что можно в сорок лет изменить свою жизнь и достичь колоссальных результатов. Меня читают лауреаты ведущих американских театральных премий, обладатели «Золотого глобуса», «Эмми» и «Тони». Читают

и говорят, что это неплохо. С литературной точки зрения, повторюсь, тексты не самые совершенные, но мы будем работать над собой. Привлечем нейросеть. Скажу честно, после интервью с Татьяной Толстой я уже вообще перестал чего-либо бояться. Ее тогда знатно рвануло. Я даже удивился. Посмотрите при случае.

Ты талантливый коммуникатор, всегда понимал, что будешь связан со сферой языка?

Да, потому что мне не хватило духу стать врачом, несмотря на династию: мама, папа, прадедушка, прабабушка — абсолютно все в моей семье врачи. Я думал, вот ошибусь и пациент на тот свет уедет — я вообще с этим справлюсь? Понял, что нет, и выбрал другой путь.

Как ты думаешь, а почему у нас в обществе такие проблемы с коммуникацией?

У нас, к сожалению, не очень вежливое общество. Милосердное, креативное, понятнейшее, но хамоватое. Хамство пронизывает очень многие сферы нашей жизни. Я регулярно блокирую кого-то в социальных сетях, потому что человек не понимает, что своим коммен-

тарием он хамит и переходит личные границы. Я пишу, вот мой друг снял фильм и под постом читаю: «Какое редкое говно этот фильм». И человек отправляется в бан не потому, что он критически высказался, а потому, что он тупой, раз не понимает, что это мой друг. И интернет еще больше проявил это бесконечное хамство. В зарубежных сетях его не меньше. В офлайне там правда все повезливее, но только потому, что в какой-то момент там была выстроена железобетонная система наказания. Люди в целом более-менее везде одинаковые, но там жестко за всех взялись и постановили, что можно, а что нельзя. У нас же все чуть-чуть на расслабоне. Я как-то написал большой пост, что нашел священный грааль, как достичь в России успеха. Как только вы узнаете эту тайну, жизнь ваша взлетит, как ракета Илона Маска. Чтобы все начинания имели правильное завершение, а люди вам помогли, достаточно двух слов: «спасибо» и «пожалуйста».

Достаточно просто их добавлять в письмо. Что мешает — непонятно. Куда тратится время, сэкономленное на том, чтобы написать «спасибо», я не знаю. Вежливость, особенно в нашей грубой стране, помогает тебе не то что дверь открыть, а стены снести. Но мало кто этим пользуется.

Вежливость как лайфхак! Какие еще золотые правила Александра Цыпкина полезно знать?

Человечность важнее эффективности.

В коммуникации, как у врача, основное — не навреди. Все, что ты сказал за спиной человека, рано или поздно ему сообщат. Репутация — единственное, что может спасти в кризисной ситуации.

Поддерживать отношения — это работа? Ты дружишь примерно со всеми. Как у тебя это получается? Даже твоя программа интервью «Цыпкин, ты достал!» называется дружеским проектом.

Мне очень интересны люди. Нужно уметь общаться с взаимным интересом без взаимных дел. У меня в одном из рассказов в шутку выведено правило, что ты можешь по делу обратиться только через год-полтора дружбы. Но в этой шутке много правды. А если просишь о чем-то, то не юлить. Плюс баланс: тебе что-то сделали — и ты должен сделать

в ответ. В нашей стране, где зыбко все, кроме человеческих отношений, важно ставить приоритетом долгосрочные связи, а не сиюминутную выгоду. Это, кстати, питерская тема, так как город наш в чем-то очень странно провинциальный. Во всех институциях люди работают лет по двадцать, а то и всю жизнь — и все друг с другом знакомы. Испортил отношения с одним — тебе закрыт доступ везде, тебя сразу же отменили.

Культура отмены по-петербургски! Да, в Москве такое невозможно. Там столько тусовок, что с одной поругался — да идите в жопу, найду другую. Поэтому люди там совершают иногда странные поступки и остаются на плаву. А здесь: как же так, петербуржец кинул петербуржца!

Там нет страха быть исключенным из стаи.

В том числе. А в Питере стая очень нудная и маленькая.

Ой, всё, сейчас у всех наших упадет забрало.

Ну а что, реально ведь всех знают.

Если бы тебе поручили ребрендинг Петербурга, что бы ты сделал в первую очередь?

У Петербурга сейчас, как это ни странно, отсутствует четкая городская идея и четкое позиционирование. Претендовать на то, что Питер — культурная или какая-то столица, не надо. Это не так. Но город великий и особенный. Надо откинуть самоомнение, но не уйти в самобичевание. Город действительно возвращает людей, которые потом что-то сильно меняют. Также мне кажется, властям стоит больше взаимодействовать с московскими инвесторами, чтобы привлечь больше денег. Сколько в Петербурге ЖК с классными квартирами? Единицы. В Москве — тысяча. Это тоже имеет значение. Если есть очевидный отток из Питера в Москву, то нужно создать приток из других городов. Понять свою ЦА, не пытаться удержать петербуржца, который в Москву хочет, — он уедет. Я, например, все равно бы уехал, мне тут тесно, что ли. Но есть человек «не хочу в Москву» из Костромы, Новосибирска, Ярославля, Екатеринбурга. Хочу в другой город, но не знаю, в какой. А что в Питере есть?

А вот это и это. Может быть, усилить студенчество. Какое-то время назад город был IT-столицей, вот такого типа направления стоит развивать. Туризм! И нужно больше культуры и свободы. Для начала определиться, кто мы, и продавать это как бренд.

Коллективное сейчас побеждает индивидуальное?

Ковид нам показал, что мы по отдельности не можем ничего. Как все сплотились и помогли друг другу в пандемию! Но с другой стороны — у нас очевидный коммуникационный кризис. Все сидят в телефонах на свиданиях...

Факт, вот семейная пара сидит рядом — оба в телефонах, слова друг другу не скажут.

Может, они просто переписываются с другими семейными парами?

Соцсети во всем виноваты?

Супруги не общаются между собой, а пялятся в экран в одном случае: если в экране телефона интереснее. Телефон просто дает возможность.

Какие темы кажутся тебе неохваченными или неотрафлексированными в кино и литературе?

Ковид. Важнейшая тема: сколько было подвигов, сколько потерь. Тема чеченской войны тоже еще требует раскрытия. Я вот надеюсь, что напишу про нее. Мой ровесник и близкий друг Михаил Петров прошел ее в спецназе. Мне повезло, я на войну не попал, а он попал. Тогда ведь не сильно от сегодняшнего времени отличались трагические истории. Просто сейчас мобилизация коснулась всех. С Мишей я задумал сделать несколько совместных проектов, в том числе сотрудничество с Федерацией адаптивного тхэквондо. Это возможность заниматься спортом людям с ограниченными возможностями, особенно детям. Также обсуждаем идеи по реабилитации людей, вернувшихся из зоны боевых действий.

Важнейшая тема — работать с посттравматическим стрессовым расстройством.

Один из признаков инфантильности нашего общества в том, что мы не занимались должным образом ветеранами чеченской войны. Они не стали героями, их именами не называют улицы в каждом городе, а подвиг псковских десантников (в 2000 году 6-я рота псковских десантников погибла, сдерживая натиск чеченских боевиков. Это была самая большая потеря в чеченской войне — 84 человека. — Прим. ред.) несколько не отличается от подвига Александра Матросова или Николая Гастелло. Это реально героизм в максимальной степени. А мы замаяли, замолчали, забыли. Если мы сейчас не возведем в определенный ранг ветеранов СВО, не предоставим им материальные блага и уважение, то они сами свое заберут и будут правы. Как общество мы несем ответственность за любые конфликты, в которые вошли, и не надо сваливать на государство. Это мы, если что, построили такое государство. Построили, пройдя сквозь ужас 1990-х. Кстати, тоже вот тема, не до конца оттрафлексированная. Говорят, в 1990-х у нас была полная свобода. Верно, но только мы потеряли около пяти миллионов человек, больше, чем за пандемию, раз в пять. А сколько людей считает, что девяностые — это исключительно положительные перемены? Да, многим повезло. А те, кто потерял своих близких на бандитских разборках, им как? Так что много у нас работы и с прошлым, и с настоящим.

ИП ЛАЛАЯН ТИГРАН ВАНИКОВИЧ, ОГРНИП 317312300014472

Живопись и принты в твой интерьер от художницы Анны Лалаян
annasiberian.com

РЕКЛАМА

ТОСЯ ПЯТАЯ

КОРОЛЕВА НЕПРЕДСКАЗУЕМЫХ ФИГЮР И ПЕВИЦА ИЗ СРЕДЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЫКАНТОВ, ЧАЙКИНА СПАРТОВАЛА РАБОТАМИ С АССАИ И SYPSAY, СДЕЛАЛА СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ С АКТРИСОЙ ИРИНОЙ ГОРБАЧЕВОЙ, ЗАПИСАЛА САУНДТРЕК К СЕРИАЛУ «БЕСПРИНЦИПНЫЕ» И КАВЕР С ЛОЛИТОЙ НА ПЕСНЮ АГУПИНА «ФЕВРАЛЬ». НО КРЕЩЕНДО В КАРЬЕРЕ ПОСИ СЛУЧИЛОСЬ С ПЕСНЕЙ «В СЕРДЦЕ БАХНУЛИ СПРЕЛЫ» — ЭТОТ ФИГЮР С ХИП-ХОП-АРТИСТОМ MARKYL ВЫСТРЕЛИЛ В СЕРДЕЧКО ПРИМЕРНО ВСЕМ, У КОГО ЕСТЬ ПИКПОК, А СОВМЕСТНЫЙ ТРЕК С ZОLОТО УКРЕПИЛ ЧАЙКИНУ В СПАМПУСЕ ЛЮБИМКИ ДЕВЧОНОК ВСЕХ ВОЗРАСТОВ. ЕСЛИ УСЛЫШИТЕ НА СПАДИОНЕ БОДРЫЙ ФАНК ПРО ГРУСТНЫЙ ВАЙБ — ЭТО ПОСЯ. С ПОСЕЙ ПОГОВОРИЛА АКТРИСА, ПЕВИЦА, ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ДВИЖЕНИЯ ДЭНС-ТЕРАПИИ (И ПОДРУГА!) ИРИНА ГОРБАЧЕВА.

Текст: АЛИНА ИСМАИЛОВА
Фото: МАША ПОПОВА

ИРА: Тось, алло! А ты чего в солнечных очках? Ты что, Курт Кобейн?

ТОСЯ: (Настраивает звук.)

ИРА: Она не слышит нас!

ТОСЯ: Привет всем.

ИРА: Сейчас я тоже очки надену, будем обе на стиле.

ТОСЯ: Надевай, надевай.

ИРА: Ну с места в карьер: как у тебя, Тоська, с режимом сна? Бывали у нас в работе с тобой маленькие шутки-неполадки из-за твоего расписания дня. (Смеется.) И я хотела узнать, может, это нормально? У тебя просто свое ночное время для работы, когда муза раскрывается сильнее?

ТОСЯ: Да нет, это ненормально, конечно. Есть колоссальная разница, когда ты встаешь в 8:00, весь свеженький и энергичный. И когда встаешь в 14:00 и тебе так плохо, словно ты накануне весь день «гулял». А ты не гулял, ты много работал! Я честно стараюсь что-то с этим делать. Вот ты сама как научилась ложиться рано? Что это? Медитации?

ИРА: Я расскажу попозже. Давай разберемся: ты почему ложишься поздно?

ТОСЯ: Мне перед сном кажется, что я ничего не успела и надо столько еще всего сделать.

ИРА: Так это тревожность, солнце. Она тебе не дает заснуть. У меня есть знакомая

девушка — психолог-гипнолог одновременно, Дарья Чевжик, я сейчас с ней занимаюсь. У нее курс — из трех сеансов. Крутой процесс, я сейчас на втором сеансе, очень всем довольна.

ТОСЯ: Только гипноз и никакого самоконтроля?

ИРА: Кроме гипноза, есть давнее правило — ложиться в 23 часа. Я если себя не заставлю это сделать, то буду залипать в телефоне и чувствовать себя уставшей. Вот ты на что залипаешь, Тось?

ТОСЯ: Раньше в тиктоки, а теперь в шортс. Листаешь, пока у тебя палец большим не станет, словно пчела укусила. Помню, пару лет назад мне кто-то сказал, что будет изобилие видеоконтента, а фотографии уйдут в прошлое. И я такая: «ПФ, ДА НИКОГДА ЭТОГО НЕ БУДЕТ, ФОТКИ ЗЕ БЕСТ». И что мы имеем?

ИРА: А кроме шортс?

ТОСЯ: Очень люблю подкаст себе поставить перед сном или видеошоу. Я смотрю на айпаде, уменьшаю яркость и залипаю одним глазом, посматриваю. Обычно смотрю биографии звезд нулевых, которые рассказывает молодой мальчик-блогер — про Beyonce, Rihanna, Selena Gomez, Lady Gaga и всю

эту голливудскую движуху. Иногда смотрю Марусю Черничкину, которая делает подкаст про убийства. Хотела бы попасть к ней на подкаст очень. Маруся зовет к себе какого-нибудь гостя, и они вместе обсуждают мистические истории. И боже, как это страшно!

ПУСЯО В ЦПОП, ОТНОШЕНИЯ С МАМОЙ И МУЗЫКАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

ИРА: Хочу у тебя узнать, как прошел день рождения мамы? Он же в Питере был?

ТОСЯ: Да, в моем любимом баре Union. Я там тусуюсь уже лет девять, всех знаю и меня все знают, — такой вот я негласный резидент. (Смеется.) Маме исполнилось в этом году 60 лет, и мы подумали, что надо в честь юбилея закатить концерт. И я вдруг говорю ей: «Мама, зачем тебе пыльные концертные академические залы? Давай мы устроим тебе тусюю».

ИРА: Тусюя, значит.

ТОСЯ: И мы его устроили: с семьей, мамой и ее учениками. Было человек 50 в сумме — впервые так много на мамином дне рождения. Мама очень переживала, как все пройдет, но прошло все просто блестяще. Она очень давно не выступала, а на свой день рождения спела с моим гитаристом Андреем. Я их послушала и подумала, что круто было бы это записать на пластинку — настолько было красиво, до мурашек. Все проходило во дворе Union, под открытым небом, было не очень жарко и не очень холодно. И-де-аль-но.

ИРА: Тосья, расскажи вообще про свою семью — ху из ху? Она же вся у тебя из музыкантов состоит.

ТОСЯ: Да, мой дедушка работал художественным руководителем Ансамбля песни и танца Аничкова дворца. Он был одновременно музыкантом, дирижером, пианистом и джазменом. А бабушка, его жена, преподаватель академического вокала. Она была солисткой Рижской оперы, где несколько лет пела все главные партии. Бабуля настолько круто это делала, что ей из зависти подсыпали битое стекло в грим.

ИРА: Классический прием. (Смеется.)

ТОСЯ: Ее совсем недавно не стало, и я по ней очень иногда скучаю. Мама у меня преподает вокал в консерватории имени Римского-Корсакова, работает с совсем маленькими птенчиками и учит их петь. Они так сильно ее любят, верят в нее и заряжают, что она рядом с ними расцветает. Я думаю, у нее сейчас один из лучших творческих периодов.

ИРА: А как ты думаешь, Тось, вы с ней синхронизировались сейчас? Обе развиваетесь активно в музыке, просто каждая в своей. Бывает так, что человек преподает математику, но ребенок у него в математике ничего не понимает, потому что у него с родителем контакта нет.

ТОСЯ: Мама, конечно, с детства хотела, чтобы я пошла в академизм. Я помню линейку в первом классе, перед нами стояли родители, и мама кому-то сказала: «Ой, ну моя 9 классов закончит и пойдет в колледж, из колледжа в консерваторию, а потом в театр».

Но в колледже я начала слушать Эми Уайнхаус, открыла для себя тяжелый рок и начала забиваться татуировками. Я понимала, что смогу рассказать свою историю в музыке, но без академизма. Своими словами.

ИРА: Какой ты была в студенчестве?

ТОСЯ: Уже на втором курсе я прогуливала пары. У меня был тяжелый ноутбук, и с ним я приходила в кофейню, курила, пила очень (ОЧЕНЬ!!!) много кофе и пила музыку. Иногда я приходила с этим к маме и говорила: «Вот, у меня созревает материал». А она мне: «Никто это слушать не будет». Тогда меня это обижало, а сейчас я понимаю, что она не хотела отпускать меня в никуда, в темноту. Она не знала, сможет ли помочь мне в той области, куда я иду, или нет. В июне будет шесть лет, как я вышла на сцену клуба «Космонавт» и впервые спела перед большой аудиторией. После этого опыта я поняла, что нужно продолжать слушать голос внутри себя.

ПРЕУГОЛЬНИК КАРПМАНА, САМОКРИТИКА И ХЕЙПЕРЫ

ТОСЯ: Хотела давно у тебя узнать, как ты справляешься с критикой и самокритикой?

ИРА: Знаешь, Тоська, я считаю, что добро должно быть с кулаками. Ты можешь быть насколько удобным добрым, светлым, открытым и поддерживающим, но в мире всегда будет зло. И тут нужно не дать себя в обиду, защищаться. Вот есть знаменитый треугольник Карпмана, где есть жертва, спасатель и преследователь. Нужно учить себя не быть жертвой, ну и конечно, остальными персонажами тоже. Это очень важно.

ТОСЯ: Но иногда тебе плохие вещи говорят не люди со стороны, а ты сама. Начинаешь себя недооценивать, осуждать. Включается синдром самозванца.

ИРА: Да, такие моменты нужно отслеживать. Когда это начинается, я внутреннего критика беру за шкирку и говорю: «С пляжа! Вот просто пошел вон». Когда ты сам себя переставешь узурпировать, насиловать, убивать и не любить — множество проблем отваливаются.

ТОСЯ: Вот ты пришла в музыкальную индустрию, хотя наверняка это было не так уж просто. Что тебе помогло?

ИРА: Психология и практики. Мне мой бывший молодой человек говорил постоянно: «Не пой в машине», еще кто-то говорил, что мне не стоит. Вот я и закрылась. Но желание меня перебороло. Я поняла, что мне не нужно никаких наград, миллионной аудитории — я просто петь хочу. Чтобы меня не оценивали, как в караоке.

ТОСЯ: Ага, на 95 баллов.

ИРА: Просто берешь микрофон, идешь на сцену сквозь бурю в животе, и выступаешь. Ты сама волнуешься перед концертами?

ТОСЯ: Всегда. Я места себе не могу найти. Помню только один концерт в Нижнем Новгороде, когда все было гладко. У нас была гримерка, и мы с Андреем Запорожцем сели медитировать,

Майка **LOVE REPUBLIC**, кейп и рукава **COLOMEINYSH**, босоножки «**ЭКОНИКА**», колье **8 STORE**
На предыдущем развороте: комбинезон и платье **COLOMEINYSH**, босоножки «**ЭКОНИКА**»

Тосья сфотографирована на 2-м Зимнем мосту с видом на здание Нового Эрмитажа, построенное архитектором Лео фон Кленце в неоготическом стиле. И в Апраксином дворе — на историческом рынке (сейчас Петербург (с XVIII века)).

чтобы расслабиться. Помогло — вышла на сцену и было совсем не страшно. Стресс испарился за счет дыхания.

Но, блин, я считаю нормальным, когда ты переживаешь. Это даже хороший знак, что тебе не все равно.

ИРА: Я уже примерно год стараюсь перед встречей с публикой переполнить себя перед выступлением НАСТОЛЬКО, чтобы энергия переливалась через край. Чтобы я была как чаша, которая вот-вот переполнится. Это нужно, чтобы зритель ушел из зала наполненный, а не пустой.

ТОСЯ: Это психологическая практика?

ИРА: Нет, про это мне рассказал знакомый, который преподает вокал и часто работает со священнослужителями. Однажды он мне сказал: «Сейчас, Ира, святые отцы выходят проводить службу с микрофонами. С петличками. Но даже это им не помогает. Они бубнят себе под нос что-то полупрошепотом, до слушателя ничего не доходит. А служба, Ира, это про переизбыток. Когда человек приходит — неважно куда — на концерт, на службу или на практику, он находится в «недоборе». Он пришел что-то получить». И я поняла, что твоя сила, твоя эмоция должна быть настолько сильной,

Факт

Бриллиантами Nika осыпала все варианты часов по умолчанию — на безеле их 38 или 48.

УЗНАЛИ У НИКА, ЧТО БУДЕТ: МАЛЕНЬКИЕ ЧАСЫ – IN, СКУЧНЫЕ ЦИФЕРБЛАТЫ – OUT.

В коллекции Nika Angelika как раз такие трехстрелочники: с 24-миллиметровым диаметром золотого или серебряного корпуса, швейцарским механизмом и королевским опалом, малахитом, авантюрином или перламутром на циферблате. Российские часовщики позаботились о правильной посадке: все модели выпущены и с коротким ювелирным браслетом, и с длинным, который можно носить в два обхвата.

ФОТО: АРХИВЫ ПРЕСС-СЛУЖБ

чтобы она наполняла всех присутствующих в зале. Когда об этом думаешь, волнение уходит, потому что есть задача поважнее.

ТОСЯ: Вот ты говоришь сейчас про «наполнение», и я вспомнила вечер, когда похоронила свою любимую бабушку и пришла к тебе на спектакль. Было 1 ноября 2020-го. День был безумно тяжелый и странный, а в партере было так тепло и хорошо, что я заснула и проспала весь первый акт.

ИРА: Нормально, я появляюсь только во втором.

ТОСЯ: Да, и проснулась я только потому, что услышала твой знакомый любимый голос. И больше спать не могла: ты нас всех буквально облила своей энергией со сцены, окутала. Не только я это почувствовала, но и зрители вокруг. И в жизни ты такой человек — неважно, что делаешь, все сидят с открытым ртом и смотрят.

ИРА: Тось, поменялось ли у тебя отношение к людям, которые в комменты пишут гадости?

ТОСЯ: Конечно. 10 лет назад я могла заплакать, очень сильно переживала. Когда мы выступали с Ассаи, его люлые фанаты кричали, что я отстойная вокалистка и вообще «верните Алину Ос». Я дико с этого высаживалась. Сейчас гораздо спокойнее.

ИРА: За что тебя критикуют?

ТОСЯ: Самые неприятные комментарии под клипами люди пишут про внешность. «Господи, какая же она страшная», «Где твои брови?» Однажды человек написал с просьбой: «Можете, пожалуйста, не выкладывать посты, потому что вы попадаете в мои рекомендации и мне это не нравится». Я вступила с ним в долгую дискуссию. Он не понимал, что, оставляя комментарии, привлекает алгоритмы и таргетирование. Мог бы просто поставить дизлайк и пройти мимо.

ИРА: А в реальной жизни случалось с тобой что-нибудь подобное?

ТОСЯ: Однажды я судила детский конкурс. Ненавижу быть судьей, но в тот раз согласилась. Уже награждение прошло, я всех обняла и начала прощаться, как вдруг ко мне подошла женщина с двумя подростками. Видимо, я в какой-то момент их не выбрала и предпочла конкурентов. И женщина злым голосом меня спрашивает: «А вы кто вообще такая? Вас нельзя пускать в жюри». И девочки из-за ее спины спрашивают: «У вас есть хотя бы один популярный трек»? Я отвечаю: «Да, в топ-чартах сейчас висит, может, видели — называется “В сердце бахнули стрелы”». Они про него, конечно, не слышали.

ИРА: Испортили настроение тебе?

ТОСЯ: Получилось черное маленькое пятнышко на идеально чистом и белом кружочке. У меня было очень приятное настроение после конкурса, но этот эпизод все испортил. А как у тебя по хейтерам?

ИРА: Я к хейтерам относилась всегда как к тренажерам.

ПЕПЕРБУРГ: ПОМ ФОРД И ВЕЧНОЕ СПУДЕНЧЕСПВО

ИРА: Котик, и чуть-чуть давай поговорим про наш любимый Питер. Какое ощущение тебе больше всего ценно там? Когда ты в Питере находишься, что ощущаешь? Сколько лет тебе в этом городе?

ТОСЯ: Лет 16–17. Я помню свой любимый путь от Сенной–Садовой до Театральной площади, где находился мой колледж в переулке Матвеева. И вот весна. Уже ноздри не слипаются от холода, и ты чувствуешь, что вот-вот и можно будет раздеваться, снимать с себя все больше одежды. Май, я слушаю Coldplay и чувствую, что живу в красивом мире.

ПЕТЕРБУРГ НЕ ГРУСТНЫЙ, ОН СТРАННЫЙ, МИСТИЧЕСКИЙ И БЕЗУМНО КРАСИВЫЙ

ИРА: Вот говорят, что в Петербурге люди грустные. Это же вообще не так.

ТОСЯ: Не так. Говорят, что люди в целом по России грустные. Но это же все от нас зависит — от тех, кто смотрит. Петербург не грустный, он странный и мистический, безумно красивый и местами уродливый. По нему ходят очень разные люди, и я этих людей люблю.

ИРА: В Петербурге все что угодно может случиться — ты можешь получить по лицу на Невском (а у меня такое было), а потом поехать в романтическое турне по рекам и каналам.

ТОСЯ: Петербург — это панк в костюме.

ИРА: Это мужчина, да?

ТОСЯ: Мужчина, точно!

ИРА: Он весь в татухах, небритый, но при этом абсолютно благородного происхождения с красивыми чертами лица. Он курит очень красивые сигареты.

ТОСЯ: Деликатный и вежливый.

ИРА: У него не до конца чистые ботинки и манжеты, но при этом общий образ — образ Тома Форда.

ТОСЯ: У меня есть друг Виктор Забуга. Он мне татуху бил на ноге лет девять назад. Витя в прошлом татуировщик, а сейчас современный скульптор и художник. Он весь забит, но при этом у него очень красивые усы и шляпа. Он для меня сочетается идеально с современным Петербургом.

ИРА: Тось, а он для тебя кто — Петербург, Ленинград, Питер или Санкт-Петербург?

ТОСЯ: Петербург. Да, точно Петербург.

ИРА: Для меня Питер. Я там каждый раз впадаю в состояние «студенточка». Вот не студентка, а именно студенточка. Мне хочется надеть наушники, включить музыку и пританцовывать под ритм города. В Петербурге люди никуда не спешат,

и у них есть время, чтобы тебя разглядеть. Меня в Петербурге узнают гораздо чаще, чем в Москве. И тебе достаточно улыбнуться или подмигнуть: у вас происходит контакт, и этого достаточно. Ты меня увидела, я тебя увидела, и всё. И фотографироваться не надо.

«Я НЕ ХОЧУ СИДЕТЬ ДОМА»: НОВЫЙ РЕЛИЗ

ИРА: Тось, как затевался и появился твой последний трек «Я не хочу сидеть дома»?

ТОСЯ: Не так давно я застряла дома, лежала и играла в приставку. Мне очень хотелось писать музыку, но я не знала, о чем писать, и сил совсем не было. Кирилл Минцев, мой друг, сказал: «Напиши о том, что чувствуешь прямо сейчас». И все случилось. Песня простая, на трех аккордах. Она про мысли, которые многих из нас посещают перед сном. «Завтра я пойду в спортзал, выучу английский, сяду на правильное питание, пробегу марафон». На этих мыслях о классном будущем мозг начинает выдавать много адреналина, ты лежишь взбудораженный в предвкушении новой жизни. А потом утро: ты просыпаешься уставший, потому что поздно лег.

И так по кругу.

ИРА: Но твоя героиня находит в себе силы выйти из дома?

ТОСЯ: Да, она говорит: «Нет места пустоте, есть место свечению!» И начинается движ. Это мотивационная и простая композиция для весны или лета. Я ее собирала между ночью и утром, в 4:00 тихонько напевая себе под нос и подбирая музыку, пока все остальные спят. Я хочу, чтобы она давала ощущение поддержки.

ИРА: Солнце, у меня к тебе последний вопрос: а сложно ли НЕ писать музыку?

ТОСЯ: Когда у тебя продуктивный период, то это хочется выплескивать. И тогда не писать очень сложно. Как с этой песней случилось: сидишь, ничего не происходит, но тебя настолько сильно распирает изнутри, что это запускает в тебе двигатель. И ты выходишь в мир благодаря своей музыке, коммуницируешь, опыта набираешься. Обновляешься с помощью людей, еды, наполняешься, как сосуд, и вот ты снова готов с легкостью выдать новую штуку.

ИРА: Есть ли у тебя план на будущее?

ТОСЯ: Нет. У меня всегда хрен знает, что получится и кто родится. Это как в программе нашего детства, с Первого канала. Как она называется?

ИРА: Какая?

ТОСЯ: Крутите барабан. «Поле чудес».

ИРА: Хорошая нота, чтобы закончить.

ТОСЯ: Ира, надо на дачу ко мне съездить. Там такая тишина, такая благодать. Нужно просто взять и поехать чиллить.

ИРА: Звучит как план. Обсудим на твоём ДР!

ТОСЯ: Ну все, девчонки, всего прекрасного вам.